

МНОГОЕ из впитанного в ранние годы проходит потом через всю остальную жизнь. И если даже улетучиваются из памяти какие-то события, неиссякаем источник впечатлений, вынесенных из детства. Лейтмотивом пройдет он через все, созданное художническим воображением...

До двенадцати лет прожил безвыездно в Тихвине Николай

предчувствие чего-то нового, что особо ощущимо в музыке необычайно талантливого Модеста Мусорского.

Музыка стала страстью Николая под влиянием этих регулярных кружковских сходок. С одобрения Балакирева задумана и начата симфония ми-бемоль минор, впоследствии названная Стасовым пер-

вой русской симфонией. Даже делаются попытки (не без участия Балакирева) ее оркестровать. Но тут на горизонте встают клипер «Алмаз» и трехлетнее заграничное плавание — окончились годы учебы в Морском корпусе, и юному гардемарину предстоит пройти закалку морем. Отставка в данный момент исключена. «Воин Андреевич требовал с меня службы и плавания, — пишет впоследствии Корсаков. — Он был тысячу раз прав, смотря на меня как на дилетанта: я и был таковым».

...Вокруг него было море, то спокойное, пронизанное до самых глубин таинственным сиянием, то непроглядно-свинцовое, тяжело и грозно стучащее в борта клипера. Его изменчивость заставляла в нем таилась какая-то не подвластная разуму сила, дресящая как мир. Таким оно и предстает впоследствии в музыке Корсакова — в «Садко», в «Сказке о царе Салтане», в «Шехеразаде». Живое, ревущее, журчащее, застывшее в своем кажущемся безмолвии под жарким солнцем Востока «Много неизгладимых воспоминаний о чудной природе далеких стран и далекого моря; много низких, грубых и отталкивающих впечатлений морской службы...» — вот что вынес юный офицер из этого долгого плавания.

Тем временем его симфония завоевывает внимание слушателей и музыкальных критиков. Благоприятные отзывы получают и «Сербская фантазия», и музыкальная картина «Садко». Подмечена особенность молодого композитора — живописать при помощи музыки. За эту удивительную способность Шаляпин наречет Корсакова русским волшебником звука.

Сближение с Мусорским дало очень много — они не просто жили под одной крышей, но и во многом разделяли взгляды на развитие русской музыки, хотя их творческие приемы были диаметрально противоположны. Необузданый стихийный талант Мусорского нередко выплескивался в музыкальные диссонансы, в то время как Корсакова все больше влекло к гармонии внешней и внутренней. Много споров вызывает оркестровка и редакция «Хованщины», выполненная Корсаковым после безвременной смерти друга. Благодаря его кропотливому труду увидела свет рампы эта ныне всемирно признанная опера. К тому времени далеко вперед уйдет автор «Антара» и «Псковитянки», не только вперед, но и немножко в сторону от тех взглядов, которые разделял некогда с Мусорским.

Судьба в лице учителя музыки Канилле сводит юношу с Балакиревым, Юи и Мусорским, основой будущей «Могучей кучки». Здесь лелеют куль Глинки, находят «прелесть» в свержении казенных кумиров. Здесь вскорости будет царить Стасов с его беззаплакционными, порой опротивчивыми приговорами. Корсаков, что называется, пришелся ко двору: еще не испорченный ничем «плагубным» влиянием, жаждущий узнать и вобрать как можно больше и, конечно же, восторженный. И хоть впоследствии он перерастет кружок с его во многом наивными идеалами, услышанное, а главное, впитанное в эти годы не пройдет даром. А пока в воздухе витает

ном театре Савва Мамонтов. Костюмы и декорации выполнены по эскизам Виктора Васнецова. Именно со «Снегурочки» началась блестательная эпоха в истории русского оперного театра — эпоха союза музыки и живописи. У Саввы Мамонтова нашла свое сценическое воплощение и опера-былина «Садко», отвергнутая царской сценой как произведение скучное. Быть может, и к добру: в мамонтовской

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Римский-Корсаков, в этом древнем городе, над которым царствует Богоодицкий монастырь, воздвигнутый еще во времена Ивана Грозного и сотрясавший свод северного неба гулом своих могучих колоколов. Темными ручейками растекались по городу чернорябые монахи, вливаясь в пеструю толпу горожан. Запах ладана мешался с крепким духом свежескошенных трав, вдымавшимся с монастырских лугов. И чем-то древним, языческим веяло от этих лугов, как и от масленичных обрядов тихвинцев, провожавших по весне со двора соломенное чучело.

Отец Ники был человеком неблагонадежным (еще бы, ссудил деньги сыскным декабристам, дал вольную всей дворне). Ему давно был запрещен въезд в столицу, впрочем, его туда и не особенно влекло. Старший брат Венин уже плавает в морях Дальнего Востока, а младшего зачаровывают звучные названия корабельных снастей, влекут к себе небосвод и звезды с таинственными названиями: Вега, Алькор...

Музыка в этом доме пользуется почетом: мать охотно поет, Венин хорошо играет с листа. Ника тоже берет уроки музыки, но, обладая прекрасным слухом и удивительным чувством ритма, особой заинтересованности к музыке не проявляет. Впрочем, близкие уже решили, что он станет военным моряком, продолжив таким образом славную традицию семейства.

Суровым и казенным показалась двенадцатилетнему мальчику закованная в гранит Петербург. Он легко постигает премудрости будущей службы, хотя и тяготит беспространная атмосфера Морского кадетского корпуса. Но к тому времени в его жизни уже вошла музыка.

Услышанный в 1859 году «Иван Сусанин» Глинки (Корсакову в ту пору было 15) привел его в неописуемый восторг. Немец Улих, его музыкальный учитель, этот восторг не только разделял, но и разжигал. Юноша не без его совета обратился к романам Глинки и через них, по своему признанию, «постиг «непосредственную красоту гармонии». «Действительная же любовь к искусству у меня началась со знакомства с «Русланием», — напишет Римский-Корсаков много позднее в своей «Летописи...». Запомнил: именно с этой оперы, вводящей в волшебный полуязыческий мир русской сказки.

Судьба в лице учителя музыки Канилле сводит юношу с Балакиревым, Юи и Мусорским, основой будущей «Могучей кучки». Здесь лелеют куль Глинки, находят «прелесть» в свержении казенных кумиров. Здесь вскорости будет царить Стасов с его беззаплакционными, порой опротивчивыми приговорами. Корсаков, что называется, пришелся ко двору: еще не испорченный ничем «плагубным» влиянием, жаждущий узнать и вобрать как можно больше и, конечно же, восторженный. И хоть впоследствии он перерастет кружок с его во многом наивными идеалами, услышанное, а главное, впитанное в эти годы не пройдет даром. А пока в воздухе витает

дарный, о каких складывались на Руси устные предания. На долю «Псковитянки» еще выпадет успех, особенно когда партию Грозного в ней споет Федор Шаляпин, а пока с большим трудом добьется разрешение поставить оперу на «государеву» сцене. Все вызывает возражение: от свободного Пскова с его республиканской формой правления до образа Грозного (на оперной сцене запрещалось выводить царей, не принадлежавших к династии Романовых). Еще не раз столкнется Корсаков с глупостью и сверхосторожностью самодержавных блюстителей. Царь Додон из «Золотого петушка» под их нахимом превратится в воеводу. Но это формальное превращение не изменит ни музыкальной, ни социальной сути оперы. Какое счастье, что пониманию чинуш оказалось неподвластно выраженное в звуках — а ведь с начала до конца вся музыка пронизана злой сатирой на тех, кто царствует «лежа на боку» под марши и фанфары по каждому поводу и без повода.

Сказочную ткань произведений Римского-Корсакова чем дальше, тем чаще будут вспаивать темы русской вольницы, почерпнутые из народных песен (ведь неспроста на закате дней его появляет к Стеньке Разину, хотя замысел этого останется неосуществленным). Его приворожит своим первобытно-вольным восприятием мира и «Снегурочки» Островского. Ярким пламенем вспыхнет дремавшая с детства тяга к русским обычаям и языческому пантеизму с его «боговщиной и чертогами». В пору обращения к «Снегурочке» за плечами Корсакова были уже и «Майская ночь», и три симфонии, и два сборника русских песен...

«Снегурочка» писалась в Стёлле, в таинственной деревенской глухи, затерянной среди безбрежных лыньяных и гречишных полей, бездорожья, в близости дремучего леса с каким-то языческим названием — Волчнец. А вокруг притаились деревеньки Копытец, Дремяч, Хвощня... Казалось, под каждым кривым пнем прикорнула леший, а под толщей вод озера Врево дремлют красавицы русалки. В то лето чуть не каждый день рокочут грозовые гучи, обволакивающая луга и поля маевом теплых дождей, зарницы высвечивают лесные опушки — хоромы вольных берендеев. И жизнь здесь подчиняется древним законам чередования времен года. В древних хороводах и напевах живет вольный дух народа.

Легко и быстро писалась «Снегурочка» — это был период подъема душевного и творческого. Рядом с Корсаковым — его жена Надежда, сама отличная музыкантша, умный, преданный человек. Об этих днях у композитора сохранился самая светлая, самая счастливая память, а «Снегурочка» навсегда останется его любимым детищем. И хоть ее постановка на сцене Мариинской оперы прошла незамеченной, «Снегурочки» была уготована настоящая слава. В 1885 году этой весенней сказке рукоплескала Москва: ее постановку осуществил в своем опер-

опере к тому времени уже работали Коровин, Бруль, Серов. Наконец, здесь нашлась изумительная Волхова — о такой во сне и то не пригрезится: Надежда Забела-Бруль. Ее облик во многом навеял черты сказочной Царевны-Лебеди из будущей «Сказки о царе Салтане». Варяжского гостя пел и играл несравненный Шаляпин. Автора и артистов засыпали цветами и лавровыми венками. После казенного, сухого Петербурга Москва казалась молодой, кипучей, восторженной.

Потом явилась «Царская невеста». Корсаков вернулся к грациозным закругленным формам, из-за чего опера необычайно удобна для исполнения. Здесь, против обыкновения, не использована ни одна из фольклорных тем, и, однако же, музыка вызывает в памяти образы из народных преданий. В Марфе проглядывают черты ледяной девы Снегурочки, близки и музыкальные характеристики этих женских образов, хотя более земная Марфа теплее. Забела Марфа изумительно.

Тем временем в России пробуждаются новые силы. Бурлит студенчество, выплескивается на заснеженные январские улицы, чтобы заявить свой протест. Профессор Петербургской консерватории Н. А. Римский-Корсаков, высокий худощавый старик с бородкой волшебника, с головой погруженной в мир шехеразад и берендеев, неожиданно для многих оказывается в самой гуще событий. Он становится на сторону бунтующих студентов, публикует «Открытое письмо» с требованием полной автономии для консерватории. Его пытаются подкупить, предлагая пост директора. Корсаков с гневом отвергает предложение. Профессора с 33-летним стажем, композитора с мировым именем вышвыривают на улицу. Представление «Кащей Бессмертного», разученного силами студентов консерватории, вылилось в настоящее чествование опального профессора. «На волю! На волю! Вам буря ворота раскрыла!», провозглашенное по ходу действия Бурей-Богатырем, прозвучало чуть ли не как призыв к революции. С галерки разнули: «Долой самодержавие!». В проходах и на сцене замелькали мундиры городовых.

...До самого последнего дня неутомимо работают ум и сердце Корсакова. Стремление к совершенствованию не гаснет, а, напротив, разгорается все сильней. «Никто больше Вашего не предан своему делу», — сказал о Николае Александровиче Стасов еще в 1870 году, и это полностью относится к 64-летнему композитору.

Живым теплом согревают слушателей его оперы, симфонии, романсы. Живыми народными напевами богато все его музыкальное наследие. Прошлое земли русской встает в его звуках, бесконечно волнует и радует наши сердца.

Наталья Калинина